

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 82

О НАЦИОНАЛЬНОМ И УНИВЕРСАЛЬНОМ В ШВЕДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

По итогам конференции «Август Стриндберг – предшественник модернизма»

© 2013 г.

Д.В. Кобленкова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
Российско-шведский центр
Российского государственного гуманитарного университета, Санкт-Петербург

dvmk@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.05.2013

Личность и провокационное творчество А. Стриндберга до настоящего времени являются предметом бескомпромиссных дискуссий. Одним из ключевых остаётся вопрос о «нешведскости» его текстов, их несоответствии принципам традиционной шведской культуры. Проблеме национального и универсального в творчестве крупнейшего писателя Швеции были посвящены основные доклады на прошедшей конференции.

Ключевые слова: скандинавистика, шведская литература, Август Стриндберг, этика, идентичность, компаративистика.

Ибсен больше типичный норвежец, чем Стриндберг – швед.
Идар Бергфьорд (университет Осло)

2012 год был объявлен в Швеции годом Августа Стриндберга (1849–1912). В год памяти самого яркого автора национальной литературы в Швеции были организованы новые театральные проекты, созданы выставки, проведены конференции. Вышло несколько юбилейных изданий о биографии писателя, и опубликованы отдельными тиражами его наиболее провокационные произведения: «Инферно», «Сын служанки», «На шхерах», «Чёрные знамёна».

В России, несмотря на длительную паузу в изучении скандинавских литератур, прошло две международные конференции по проблемам его творчества. Каждая из них, без преувеличения, уникальное явление, так как даже общая Скандинавская конференция не собиралась в России уже более 5 лет, а проведение конференций по отдельным скандинавским странам даже не предполагается. Если в XXI столетии мы всё ещё не имеем учебника по скандинавским литературам, то сетовать на отсутствие конференций – почти гротеск. Очевидно, лучшие времена отечественной скандинавистики пришлись на 70–80-е годы, равно как и интерес к славистике в Скандинавии, по утверждению профессора *Магнуса Юнггрена* (Стокгольм), остался далеко в прошлом. В настоящее время в России наиболее плодотворно изучается история и культура

Швеции. Основная работа ведётся в Российско-шведском центре РГГУ при поддержке Шведского института (Svenska Institutet, Stockholm), который сотрудничает с несколькими университетскими центрами в России. Шведский центр РГГУ под руководством к.и.н., Почётного доктора Уппсальского университета Т.А. Тоштендаль-Салычевой осуществляет педагогическую подготовку историков, филологов, журналистов и ежегодно инициирует большие исследовательские проекты. Одну из конференций, посвящённых памяти А. Стриндберга, провёл этот центр, вторую при содействии Шведского института организовал Петрозаводский государственный университет.

Конференции, посвящённые шведскому прозаику, драматургу и общественному деятелю А. Стриндбергу, позволили озвучить целый ряд вопросов, связанных с проблемами шведской ментальности, российскими подходами к исследованию этой ментальности и теми различиями в оценках и методах, которые становятся очевидны при компаративистском изучении «национальных кодов».

Предметом реферирования в этой статье является конференция, прошедшая в Петрозаводске под руководством к.ф.н. Н.Г. Шарапеновой.

Пленарный доклад «Творчество как провокация. Стриндберг в шведском литературоведении, драматургии, кинематографе» был сделан Дианой Кобленковой (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Российско-шведский центр РГГУ). В докладе были обозначены основные приоритеты в научном и художественном восприятии Стриндберга в Швеции, что позволило разрушить многие отечественные стереотипы и в то же время показать «проблемные» аспекты внутри шведской точки зрения на национального гения. Было отмечено, что отношение к Стриндбергу в Швеции не столь однозначное, как можно было бы предполагать, имея в виду официальное положение наших классиков в академической истории литературы. Швеция, безусловно, другая страна, в ней никогда не было искусственного сотворения кумиров. Отсюда и отношение к Стриндбергу не как к авторитету, не подлежащему критике, а, напротив, как к личности, с которой можно и нужно дискутировать. В том числе и постфактум – с идеями его книг, эссе, «Речей к шведской нации», с его концепцией шведской истории.

Первое, что обращает на себя внимание, – это полемика вокруг личности Стриндберга, его приватной биографии, психических проблем, провокационных отношений с женщинами.

Второе отличие от отечественного «академического» подхода к творчеству этого писателя – интерес к его общественной роли, причём гораздо в большей степени, чем к текстовой реальности произведений. Стриндберг в Швеции, прежде всего, социально значимая фигура, «*farlig gabulist*» – опасный провокатор, с идеями которого можно не соглашаться, но которые по-прежнему современны и связаны с теми же проблемами, что и столетие назад.

Третий комплекс проблем связан с идейным конфликтом между Стриндбергом и Сельмой Лагерлёф. Лагерлёф и Стриндберг при всей неоднозначности отношения к ним воспринимаются как духовные лидеры Швеции рубежа XIX–XX веков, каждый из которых предложил своё видение развития шведской нации. Стриндберг (особенно на первом этапе, в 80-е годы XIX века) был сторонником бескомпромиссных социально-политических преобразований, воспринимался как «разрушитель» – Лагерлёф, напротив, исходила из этики христианского гуманизма, утверждая приоритет персонального духовного совершенствования, не затрагивая институты государственности. Её «примиряющая» позиция оказалась более приемлемой для консервативно настроенного Нобелевского комитета, удостоившего её самой почётной литературной премии. Тот факт, что

Стриндберг оказался «неформатом» для Нобелевской комиссии, послужил поводом для бурных дискуссий о критериях присуждения Нобелевской премии.

Оппозиционное положение Стриндберга, отношения с первой женой Сири фон Эссен, полемика с Лагерлёф нашли художественное отражение в шведской драматургии и игровом кино (пьесе П.У. Энквиста «Ночь трибад», фильмах «Август» П. Бирро и «Сельма» Э. Лейонборга). Неуравновешенный характер Стриндберга сделал его популярным объектом и других псевдобιοграфических опусов, серии комиксов и карикатур.

Д.В. Кобленковой было также отмечено, что Стриндберг в России и Стриндберг в Швеции – это фактически два разных писателя. В России Стриндберг – прежде всего драматург, в Швеции – прозаик. В истории шведской литературы национальным достижением считают его ранние произведения: роман «Красная комната», сатиру «Новое царство» и драму «Местер Улоф» – произведения, которые крайне редко становятся предметом научного анализа за пределами Швеции. Наиболее читаемым произведением является роман «Жители острова Хемсё», а из новеллистики – цикл «Браки», после выхода которого за Стриндбергом закрепилось амплуа непримиримого противника феминизации общества.

В отличие от прозы драматургия Стриндберга видится большинству шведских критиков вторичной по отношению к французскому натурализму, а позднее – к символизму. В исторических пьесах Стриндберга усматривают традиции «Исторических хроник» Шекспира. Вследствие этого в шведской критике звучит упрек в «нешведскости» в адрес Стриндберга, отказавшегося следовать национальной театральной традиции. В XX веке это вырастает в отдельную и весьма знаковую проблему: самые «брендовые» шведские гении (А. Стриндберг, И. Бергман, А. Линдгрен) оказывались в конфронтации с официальной культурой и нередко с читателями и зрителями. Причину можно видеть в маргинальном понимании ими человека и мира, смелом разрушении этических табу, в крайнем авторском индивидуализме. Проблема вызвала эмоциональную дискуссию участников конференции. *Магнус Юнггрен*, соглашаясь с положениями доклада, сказал, что шведы, действительно, «недостаточно ценят своих героев», и заметил, что, например, на юбилей К. Линнея социал-демократами было выделено почти в десять раз больше средств, чем новым правительством на «год Стриндберга», а на подготовку к Олимпиаде – несопоставимо больше, чем

на юбилей Рауля Валленберга, поэтому критика российских исследователей в адрес шведского общества вполне справедлива.

Во время обсуждения вопроса о причинах неприятия некоторых выдающихся фигур внутри Швеции прозвучала мысль о провинциальности страны, стремящейся, с одной стороны, сохранить традиции и не поддаваться глобализационным процессам, с другой – отказаться от общеевропейского в силу невозможности соответствовать его уровню.

В докладе Д. Кобленковой была также отмечена тенденция шведских литературоведов оценивать не столько поэтику произведений, сколько их этическое содержание, причём шведы строго разделяют термины «этический», «философский» и «религиозный». Эти наблюдения впоследствии нашли подтверждение в докладе норвежского исследователя *Идара Бергфьорда* (университет Осло) и во время дискуссии с доктором философии *Фабианом Линде* (Гётеборгский университет), выступавшим на конференции в Москве.

В заключение Д. Кобленкова прокомментировала точку зрения шведских литературоведов по ключевому вопросу конференции: о связи Стриндберга с модернистской культурой. В шведской литературе, как и в литературах Дании и Норвегии, границы модернизма датируются не так, как в России или в Центральной Европе. Писателей рубежа XIX–XX веков чаще определяют через принадлежность их стиля к какому-либо течению (неоромантизм, символизм, экспрессионизм), считая, что модернизм по-настоящему начинается в 20-е годы, пик его приходится на 40–50-е, и это направление продолжает существовать по сей день, поскольку постмодернизм шведское общество воспринимает как чужеродное явление.

Показательно, что ни в одном из последующих докладов не ставилась задача доказать положение, заявленное в качестве названия конференции. Следовательно, вопрос о том, является ли Стриндберг предшественником модернизма, для всех исследователей остался открытым.

Одна из тем пленарного доклада – проблема «нобелевского формата» – была предметом бескомпромиссного выступления *Александра Полушкина* (Челябинский государственный университет) «Август Стриндберг и «нобелевский формат»: точки пересечения». А. Полушкин дал характеристику деятельности Нобелевского комитета и предложил опубликовать «список позора» Нобелевской премии. Но, поскольку подобный список озвучивал ранее В. Кожин, речь шла о «формуле присуждения» премии, которую Стриндберг критиковал ещё в памфле-

те «Новое царство» (1881 г.), а затем в полемических статьях (1902–1903 гг.) и «Речах к шведской нации». Стриндберг упрекал комитет в дилетантизме, непрофессионализме, «кумовстве», консерватизме и враждебном отношении к новшествам. К популярным в Швеции карикатурам на Стриндберга относится и та, на которой писатель бичует нобелевских «академиков», среди которых не было ни одного профессионального писателя. Поскольку кандидатура Стриндберга была отвергнута как «не соответствующая идеальности», т.е. традиционным шведским ценностям, Стриндберг вступил в спор, утверждая, что идеальный писатель – это тот, кто стремится улучшить человечество, а не тот, кто его искусственно приукрашивает. Однако конфликт поколения Стриндберга (эпохи 80-х гг.) с поколением 90-х (Лагерлёф, Хейденстам и др.) разрешился в пользу последних, ставших обладателями премии. Таким образом, реставрация традиционных ценностей одержала верх над критической программой Стриндберга. В завершение А. Полушкин высказал мысль, что сегодня «нобелевский формат» мог бы вместить Стриндберга, на что Магнус Юнггрен скептически возразил, считая, что и сейчас «академики» боятся самостоятельных личностей и потому в их составе по-прежнему нет крупных писателей.

К сожалению, лишь два доклада на конференции были связаны с анализом прозы Стриндберга, что свидетельствует о недостаточном знакомстве читателей и исследователей с романами и новеллами писателя. Очевидно, это объясняется утвердившимся в России мнением, что интерес представляет лишь его драматургия. Отсюда вытекает проблема переиздания переводов Стриндберга: все важнейшие романы («Инферно», «Сын служанки», «Чёрные знамена») после революции ни разу не выходили в свет. По этой причине особый интерес представляет выступление *Юлии Трофимовой* (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск) «Красная комната» и начало романа как особенность литературного стиля Стриндберга». Ю. Трофимова, отталкиваясь от понятия «языковая личность», показала некоторые особенности стилистической манеры Стриндберга. Так, писателя не интересовал «захват» читательского внимания, поэтому в его романе «Красная комната» есть лишь «абсолютное начало» и постоянная констатация фактов. Стриндберг использует сверхдлинные предложения (например, второе предложение 12-й главы состоит из 174 слов), чтобы не разрывать единство: человек-время-действие-фон-детали. Пространное описание человека свиде-

тельствует об антропоцентризме писателя, постоянную индикацию времени Стриндберг, очевидно, наследует от Бальзака, у которого временные индикаторы также были характеристиками человека. Ю.М. Трофимова отметила, что на Западе ценнее именно индикатор времени, в то время как в русской литературе – нахождение человека в пространстве. В ходе дискуссии были заданы вопросы о семантике цвета «красный» и «чёрный» в творчестве Стриндберга (от «Красной комнаты» к «Чёрным знамёнам»).

Полина Лисовская (СПбГУ) посвятила доклад именно «Чёрным знамёнам», последнему, наиболее депрессивному роману писателя. Ракурс её выступления был связан с образами детей в творчестве Стриндберга. П. Лисовская подвергла писателя критике за гиперболизацию детского страдания, изображённого в романе «Сын служанки». Впоследствии Стриндберг не вернулся к образу ребёнка как субъекта, предпочитая изображать «взрослых, у которых украли детство». Разделяя, как и шведские исследователи, творчество Стриндберга на период до кризиса, отражённого в дневнике «Инферно», и после кризиса, П. Лисовская отметила, что до «Инферно» взрослые в текстах Стриндберга использовали детей как инструмент для достижения своих целей (драма «Отец»); после «Инферно» образы детей превратились в концентрацию комплексов и страхов взрослых. В романе «Чёрные знамёна» дети показаны как демоны, отравляющие жизнь окружающих. Если функция ребёнка – преобразовывать мир, то, по мнению докладчика, в мире Стриндберга на последнем этапе их роль уже полностью противоположна.

Как было отмечено выше, в России из наследия Стриндберга высоко оценивали лишь пьесы, однако и они подвергались отбору. Например, исторические драмы, религиозная пьеса «На пути в Дамаск» и большинство символистских пьес оставались вне интереса критики. Востребованными были главным образом «Отец» и «Фрёкен Жюли», но лишь по причине близости русскому психологическому театру. Остальные драматические произведения Стриндберга могли быть поставлены лишь в рамках авангардных проектов.

Драматургия Стриндберга стала предметом доклада Ирины Даниловой (Гётеборгский университет) «Август Стриндберг – теоретик театра. Концепция «Интимного театра» и её значение для театров Швеции и России». В докладе утверждалось, что «Интимный театр» создавался Стриндбергом как театр философский, поэтому основной принцип Стриндберга заключался в стремлении брать для драмы только

неразрешимые конфликты, т. е. создавать трагедии. При этом Стриндберг, как А. Антуан и М. Рейнхард, оценил возможности малой сцены, которая позволяла сконцентрировать конфликт. Шведский минимализм отразился в известной идее Стриндберга: «Стол и два стула – вот идеал». Конкретность была важнее, а «вечность» шла фоном». Стриндберг специально создавал камерные ситуации, раскрывающие сложность души. По утверждению И. Даниловой, второстепенные персонажи в его пьесах проще, даны как вспомогательные фигуры. В ходе дискуссии И. Данилова добавила, что в Швеции нет трепетного отношения к слову Стриндберга. Например, «Игру снов» поставили как политический коллаж, Макс Экк интерпретировал «Сонату призраков» как событие в доме престарелых, где актёры мужчины играют женщин. Сравнивая драматургию Стриндберга и Чехова, И. Данилова ёмко сформулировала: у Стриндберга – борьба неразрешимых противоречий, у Чехова конфликты разрешимы, есть идеал; у Чехова дано развитие отношений, у Стриндберга они изображены лишь в конфликте. Доказывая стремление шведских драматургов видеть всё сквозь призму стриндбергианских гиперболических допущений, докладчик упомянула постановку «Дяди Вани» в «Драматене»: дядя Ваня там – алкоголик, а Соня после слов «Мы увидим небо в алмазах...» поджигает дом. «Это не Чехов, – заключает И. Данилова, – это Стриндберг!»

В докладе Светланы Васильевой (Петрозаводский ГУ) «Экзистенциальные ценности художника» была проведена параллель между теологическими взглядами Макса Шелера и экзистенциальными идеями пьесы Стриндберга «На пути в Дамаск». С. Васильева высказала также мнение о Стриндберге как провозвестнике постмодернизма, опираясь на его идею видеть «всё во всём». Елена Киричук (Омский ГУ) поразила слушателей способностью заново взглянуть на известный текст и оценить силу художественной детали в самой известной пьесе Стриндберга «Фрёкен Жюли». Е. Киричук рассматривала «Музыкальный экфрасис в драматургии Стриндберга» и указала на символическое значение танца Жюли как «пляски смерти». Он трактовался Стриндбергом как «безобразное» и потому, как в античном театре, был вынесен за сцену. Также за сценой произошло убийство чижика и самоубийство Жюли. Экосез рассматривался в докладе как метафора брака, оканчивающегося смертью: Жюли выбрала жениха, а с ним и свою смерть. Докладчик отметила значение других символов: праздник накануне Ивана Купала и День усекновения головы Иоанна Крестителя, во время которого

Жюли берёт в руке бритву и тем самым нарушает запрет, а Кристина разворачивает и заворачивает платочек, чем подчёркивается двойной стандарт её морали.

Несколько докладов на конференции были посвящены компаративистским исследованиям, в которых докладчики, не занимающиеся шведской литературой, стремились найти какие-либо биографические параллели или этические и эстетические схождения между интересующими их текстами других авторов и произведениями Стриндберга. Среди них были доклады *Дианы Оболенски* (Гданьский университет, Польша) «Между спагирией и алхимией: Стриндберг и Блок», *Натальи Шарапенковой* (Петрозаводский ГУ) «Театр сознания». Август Стриндберг и Андрей Белый», *Тамары Ивановой* (Карельская ГПА) «Август Стриндберг в восприятии Софьи Ковалевской». После доклада *Магнуса Юнггрена* «Русский символист у Стриндберга» о посещении Владимиром Пястом Стокгольма и его мечте встретиться с символом эпохи – Стриндбергом – было высказано много предположений о причинах особого интереса русских писателей Серебряного века к Скандинавии. Из дискуссии следовало, что главная причина кроется в социальном факторе: Швеция и Россия находились в ожидании серьёзных социальных перемен, поэтому Стриндберг для Пяста, Блока, Белого, Ковалевской, Горького, Луначарского был прежде всего образом «нового человека», самостоятельно мыслящего, находящегося в оппозиции к истеблишменту. Сама Скандинавия воспринималась социально-мистически: как царство севера, германо-скандинавской мифологии, сильных личностей и волевых свершений.

В этом контексте любопытно совершенно другое восприятие Швеции в конце XX века. *Сергей Орлов* (Карельская ГПА) в докладе «Стихи Иосифа Бродского о Швеции» отметил, что Бродский, например, приезжал туда летом исключительно из-за желания избежать шума, тихо работать, оставаться неузнанным. Интеллектуально Швеция его не интересовала, была лишь «экологической нишей» с валунами и гранитом, напоминавшими Ленинград. По его мысли, Швеция – страна природы, а не культуры, «клик её неразличим». Возник вопрос о «шведском тексте» в русской литературе, который начинается с записей Петра Великого. Современное состояние вопроса было освещено в докладе *Инны Минеевой* (Карельская ГПА) «По следам Стриндберга: мифопоэтика Стокгольма в современной русскоязычной литературе». Были названы имена Г. Фиша, В. Карпенко, Э. Крыловой, Д. Жукова, З. Зиника и др. Швеция оценивалась ими как «таинственная страна»

малых возможностей и больших достижений, Стокгольм – как остров с гармоничным сочетанием городских пейзажей и индустрии, как город, в котором можно чувствовать себя не просто сильной, по словам Э. Крыловой, но «бессмертной». В то же время это город-мираж, где все одеты в чёрное, пространство депрессии, наполняющее душу пустотой. По мысли В. Довлатова, мифом массового сознания является образ лесоруба-убийцы, борющегося с депрессией среди скал и снегов. Подводя итог, И. Минеева выделила основные концепты мифопоэтики «шведского текста», которые разнятся в эмигрантской и неэмигрантской литературе о Швеции.

Особенность конференции в Петрозаводске заключалась в стремлении организаторов собрать разных исследователей и выстроить широкое ментальное поле вокруг личности Стриндберга, показать типологические параллели в литературе его эпохи, отразить многообразие суждений о его произведениях и о самой Швеции. Научная значимость конференции была бы ещё более высока, если бы в ней приняли участие все заявленные в программе шведские исследователи литературы и театра, которые могли бы ответить на постоянно возникающие вопросы. Большинству отечественных исследователей не хватало знаний о шведской культуре, и потому объяснить причины поступков Стриндберга или понять значение его литературных стратегий для Швеции им было крайне сложно.

На многие вопросы дали ответы *Арвид Норд* (Шведский институт, Стокгольм) и *Идар Бергфьорд* (университет Осло).

Арвид Норд прямо заявил, что интерес к Стриндбергу в Швеции периодически угасает, поэтому внимание русских исследователей к их писателю уникален и для него необъясним. В то же время, несмотря на редукцию авторитета Стриндберга на родине, А. Норд констатировал, что Стриндберг «подсознательно присутствует в политике и социальных вопросах». Отметим, что это в очередной раз доказывает восприятие шведами писателя прежде всего в плоскости общественной жизни, а не в сфере литературного процесса.

А. Норд добавил, что Стриндберг, пожалуй, «самый ненавидимый писатель Швеции», но он «взывает» к дебатам, пробуждает мысль, поэтому мало тех, кто относился бы к нему равнодушно. Безусловно, он является самым оригинальным писателем Швеции, непоследовательным, противоречивым, но истинным художником, который никогда не притворялся. По этой причине он привлекает ту часть шведского об-

щества, которая ищет свой путь по принципу «думай сам!»).

Из литературных особенностей творчества Стриндберга А. Норд отметил новаторское использование разговорного языка в первом романе «Красная комната» и субъективизм Стриндберга, который сначала негативно воспринимался критиками, а сейчас используется почти всеми шведскими писателями.

В массовом сознании его имя используется в разных сферах: от рекламы спортивных товаров до названия бифштекса «Стриндберг» (т. е. имя превращается в бренд подобно тому, как в России есть шоколадный батончик «Гоголь» или рестораны с тем же названием).

Ещё менее «лакировочный» взгляд на Стриндберга продемонстрировал *Идар Бергфьорд*, охарактеризовав отношение к нему в Норвегии. Стриндберга там не читают, мало играют и почти не обсуждают, несмотря на возможность читать тексты в оригинале. И. Бергфьорд видит причину этого прежде всего в возвеличивании в Норвегии своего национального гения – Ибсена, произведения которого изучает даже специально созданная кафедра. За период с 1974 по 1994 гг. осуществлены лишь три новые постановки пьес Стриндберга. Лидируют Ибсен, затем Шекспир, Чехов, Беккет, Брехт. Стриндберг, по убеждению докладчика, не играет никакой роли в норвежском национальном сознании. Возвращаясь к мысли Д. Кобленковой о приоритетном значении этического начала в шведских произведениях, И. Бергфьорд подтвердил, что и в Норвегии этическое ценится больше эстетического, однако «этическое у

Стриндберга не часто совпадает с этическим идеалом Норвегии». Бергфьорд также вернулся к идее «нешведскости» Стриндберга, сказав, что «Ибсен – больше типичный норвежец, чем Стриндберг – швед», ещё раз подтвердив главный вывод конференции.

В целом ракурс докладов оказался связан не с проблемой предварения Стриндбергом культуры модернизма, а с вопросом идентичности писателя. Однако чтобы разобраться, насколько Стриндберг выходит «за пределы» шведской культурной модели, необходимо сначала очертить эти «пределы», разобраться в особенностях шведской ментальности, поскольку она, вопреки расхожему мнению, не имеет однозначных критериев и отнюдь не стремится к унификации.

Очевидно и то, что существуют большие различия между тем, как анализируют произведения Стриндберга в самой Швеции, и тем, какие методологии применяются в других странах. По этой причине в каждой стране неизбежно будет существовать «свой» Стриндберг. Объединить эти методологии невозможно и, скорее всего, не нужно, так как интересны как раз непохожие точки зрения на одно явление, «приращение смысла», новые «горизонты ожидания».

Кроме того, конференция доказала, что интерес сегодня вызывает не столько детальный анализ текстов какого-либо писателя, сколько «окололитературные» проблемы, а сам литературный материал превращается в иллюстрацию социокультурных фактов какого-либо временного отрезка. Можно утверждать, что сейчас своё новое возрождение переживает такая дисциплина, как история гуманитарных идей.

ABOUT THE NATIONAL AND UNIVERSAL IN THE SWEDISH LITERATURE OF THE 20TH CENTURY

In the follow-up of the conference "August Strindberg, a precursor of modernism"

D.V. Koblenkova

August Strindberg's personality and his provocative work remain the subject of heated discussions. One of the key issues is that of the "non-Swedish" nature of his texts, their non-conformity to the principles of traditional Swedish culture. The main reports of the conference were focused on the problem of national and universal in the works of Sweden's greatest writer.

Keywords: history of Scandinavian literatures, Swedish literature, August Strindberg, ethics, identity, comparative studies.